

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'255.2:821.161.3-31.09

БЕЛОРУСИЗМЫ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА
«ДИКАЯ ОХОТА КОРОЛЯ СТАХА»: МОРФОЛОГО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

канд. филол. наук, доц. Т.П. СЛЕСАРЕВА

(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)
slestp@yandex.ru

Отмечается, что при переводе текстов художественных произведений с белорусского на русский язык переводчик старается передать при помощи языковых средств национальный белорусский колорит, ярко описать языковые концепты белорусской культуры. Рассматриваются слова белорусского языка, встретившиеся в русском переводе романа Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха». Сравнивается семантика этих слов в обоих языках, определяется их функциональная нагрузка.

Ключевые слова: белорусизм, русскоязычный текст, семантические особенности, перевод, соответствие.

Введение. Взаимодействие белорусской и русской культур и языков имеет свои специфические черты в силу общности исторических судеб белорусского и русского народов, родства и близости систем двух языков.

Под белорусизмом понимается принадлежащий системе белорусского языка элемент, употребленный в тексте на русском языке.

К белорусизмам относятся: а) слова белорусского языка, не имеющие полностью совпадающих по форме и содержанию соответствий в русском языке; б) слова белорусского языка, имеющие соответствующие по форме и содержанию слова на русском языке; слова русского языка имеют иную стилистическую окраску либо принадлежат к областной лексике; в) слова белорусского языка, имеющие соответствия по форме в русском языке при несовпадении объема значений [7, с. 68–69].

Белорусское слово включается в русский текст по разным причинам: оно не имеет однословного эквивалента в русском языке или лексемы известны обоим языкам, но в белорусском языке они получают и другое значение.

В русскоязычных текстах (оригинальных и переводных) белорусизмы могут выступать средством создания речевой характеристики персонажа, дополнительной смысловой, эмоциональной характеристики образа, передавать культурно-этнографические традиции.

Основная часть. Историческое произведение с элементами мистики Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха» (бел. «Дзікае паляванне караля Стаха») было впервые опубликовано в журнале «Маладосць» в 1964 году. Действие происходит в конце XIX века. Молодой учёный-фольклорист Андрей Белорецкий во время бури сбивается с пути и попадает в родовой замок Яновских – Болотные Ялины, где его принимает хозяйка замка Надея Яновская – последняя представительница своего рода. Она ожидает скорой смерти, поскольку род Яновских проклят из-за предательства, совершённого ее предком. Дикая охота – это группа молчаливых всадников, бесшумно скачущих по трясине, делающих огромные прыжки и оставляющих следы старинных подков.

Белорецкий остаётся в замке, чтобы защитить Надею. Вместе с Рыгором они раскрывают и тайну гибели отца Надеи, загнанного в болото Дикой охотой за два года до приезда Белорецкого, и тайну Дикой охоты, которую организовал Дуботовк, чтобы довести девушку до сумасшествия или смерти и завладеть замком. Белорецкий женится на Яновской и увозит её из Болотных Ялин.

В 1980 году на волне популярности одноимённого фильма (снят в 1979 году), произведение было переведено на русский язык Валентиной Щедриной.

В русском переводе «Дикой охоты короля Стаха» нами было выявлено около 30 разных белорусизмов, среди которых встретились имена существительные (*бульба, пригожучелки, криница, хата, веска, гонор, гроши, подмога* и др. – всего 16 разных словоупотреблений), глаголы (*поведать, зажурились, постукать, загомонили, нема* и др. – всего 7), наречия (*трошки, горше*), частицы *дак, нехай*, местоимение *ихних*.

Среди белорусских имен существительных, зафиксированных нами в тексте на русском языке, отенки национально-культурного характера несут такие слова, как *хата, криница, жито, бульба*.

Хата – срубная изба из сосновых, реже еловых бревен – традиционное жилище белорусов. Слово *хата* встречается в украинском, белорусском, русском, польском, чешском и словацком языках. В русском языке употребление этого слова означало плохую избу. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова в толковом словаре русского языка указывают: хата, -ы, ас. На Украине, в Беларуси, на юге России: крестьянский дом.

В белорусском языке данное существительное имеет более широкую семантику. Так, в Толковом словаре белорусского языка **хата**: 1) жылая сялянская пабудова, зрубленая з бярэвня; 2) унутраная частка такой жыллёвай пабудовы; жылое памяшканне; 3) асобны сялянскі двор, гаспадарка; асобная сям'я; 4) у назвах некаторых сельскіх устаноў (*Хата-чытальня. Хата-лабараторыя*). В народном белорусском сознании «хата» – символ величайшей ценности: «*Не позорь мою хату*» [4, с. 78], «*Теперь моя хата до последнего креста благодарна тебе*» [4, с. 82], «*Мужики поднялись на защиту своих хат*» [4, с. 178].

На протяжении многих веков основой жизнедеятельности белорусского народа являлось земледелие. Наверное поэтому между зерном и сеятелем существовали особые отношения, а слово «*жыта*» (зерно, рожь) очень близко для белоруса. Это и 1) аднагадовая расліна сямейства злакавых, зерне якой скарыстоўваецца для прыгатавання хлеба; 2) Зерне гэтай расліны.

В анализируемом русскоязычном тексте слово *жито* встретилось в составе фразеологизма *всякого жита по лопате*. Так говорят о смеси, неоднородном составе чего-либо: «Когда-нибудь люди смогут жить намного дольше меня, и им не будет горько за жизнь: все в ней было, всякого *жита* по лопате, все я изведаль – о чем же сожалеть?» [4, с. 4]. Толковый словарь Ефремовой определяет *жито* как любой хлеб – рожь, пшеница – в зерне или на корню.

Слово «*криница*» довольно часто встречается во многих русскоязычных произведениях белорусских авторов, так как в белорусской традиции оно наполнено дополнительным смысловым содержанием: белорусы почитают криницу как святыню, потому что она связана с культом воды.

Крыніца: 1. Натуральны выхад падземных вод на паверхню зямлі. 2. Пераноснае значэнне: тое, з чаго бярэцца, чэрпаецца што-небудзь; тое, што дае пачатак чаму-небудзь, служыць асновай для чаго-небудзь. 3. Спецыяльны тэрмін: пісьмовыя помнікі, дакументы, на аснове якіх пішуцца навуковыя даследаванні.

В русском языке данное существительное имеет более узкую семантику. Ему соответствуют эквиваленты «ключ», «родник», «источник», «ручей»: «Оставалось еще каких-то недели две ночевать на сеновалах или прямо в возке под звездами, пить из *криниц* воду, от которой ломит зубы и лоб, слушать протяжные, как белорусское горе, песни баб на завалинках» [4, с. 5].

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Евфрона *криница* – собственно источник ключевой воды, неглубокий колодезь. В верованиях малорусского народа слово это означает богинь плодородия, обилия, обитающих в ключах. В одном наговоре Криница олицетворяется в образе красной девицы; дочь ее – вода, мать – земля, брат – камень.

Основной продукт белорусской кухни – картофель (по-белорусски «*бульба*»). «Они [крестьяне] живут *бульбой*» [4, с. 22], «А сам сидит в клетке над миской с *бульбой* да брюквой» [4, с. 66]. Слово «бульба» произошло от латинского «*bulve*», что переводится как «луковица».

Картофель появился в Беларуси в XVIII в. благодаря последнему королю Речи Посполитой Станиславу Августу Понятовскому и очень быстро для селян-белорусов стал привычной и спасительной едой. Хотя в ВКЛ словом «бульба» называли другое растение – топинамбур. Его клубни напоминают клубни картофеля. Поэтому из-за схожести крестьяне просто перенесли название одного овоща на другой.

Слово *бульба* в белорусском языке имеет следующие значения: 1) аднагадовая агародная расліна сямейства паслёнавых; 2) зборны назоўнік. Падземныя клубні гэтай расліны, якія выкарыстоўваюцца як харч, корм і сыравіна; 3) назва беларускага народнага танца.

Одинаковую семантику в обоих языках имеют такие имена существительные, как *подмога*, *гроши*, *пригожучечки*. Так, *подмога* (бел. *падмога*) – поддержка (падтрымка): «Если понадобится *подмога* – присылайте человека» [4, с. 161].

Слово *гроши* (рус. деньги) в белорусском языке – это 1) металічныя або папярковыя знакі, якія служаць мерай вартасці пры куплі-продажы; 2) сродкі, капітал. «У нас и *гроши* были, пять рублей» [4, с. 99]; *прыгажуня* – красивая женщина: «У-ух, *пригожучечки*-красулечки!» [4, с. 54].

Кроме слов, имеющих эквиваленты в русском языке, в тексте встретились такие имена существительные, как *дрыггант* и *андарак*.

Короткевич был большим знатоком белорусского фольклора и старины. Великое Княжество Литовское славилось редкой и более нигде не производимой породой полесских дрыггантов (порода лошадей, погибшая более 400 лет назад). В «Дикой охоте короля Стаха» дрыгганты упоминаются как чудом сохранившиеся экземпляры исчезнувшей породы и в конце все тонут в трясине: «...когда синие огни со-

бираются и начинают пляски на самых гиблых местах, не разбирая дороги, мчатся двадцать всадников на вороных *дрыгантах*».

Еще вспоминаются герою «черные хаты, где женщины в *андараках* прядут и поют бесконечную песню, похожую на стон» [4, с. 6]. *Андарак* – «саматканая паласатая або клятчастая спадніца», то есть шерстяная полосатая юбка крестьянок из домотканого материала, род поневы.

Национально-культурный фон белорусов репрезентируют в тексте имена собственные – антропонимы и топонимы.

Главная героиня произведения – хрупкая 18-летняя девушка, последний потомок древнего шляхетского рода Яновских, *Надея Яновская* (рус. Надежда). Дальний родственник Яновских, весёлый дед-балагур, шутник, который умеет расположить к себе людей, хорошо говорит по-белорусски, и в то же время хитрый и безжалостный человек, главный злодей, придумавший дикую охоту с целью уничтожить Яновских и заполучить их замок и имущество, – *Рыгор Дуботовк*.

Охотник, который хорошо знает местные леса, помогает Белорецкому победить дикую охоту, тоже зовут *Рыгор* (рус. Григорий): «Девочка возвратилась домой с *Рыгором*, сторожем Кульши» [4, с. 47].

«Бездельник *Антось* (рус. Антон) принес мне на подносе «разгонную» чарку» [4, с. 74].

Игнась (рус. Игнат) *Берман-Гацевич* – дальний родственник Яновских, претендующий на имение, для чего придумал Малого Человека, чтобы свести хозяйку с ума.

Действие разворачивается в родовом замке Яновских – *Болотных Ялинах* (рус. Болотные Ели).

Главный персонаж, от чьего имени ведётся рассказ, пишет: «Постепенно я понял, кто я. Что заставило меня это сделать? Может, теплые огни деревень, названия которых и до сих пор какой-то теплой болью входят в мое сердце: Липично, Сорок Татар, Березовая Воля, урочище Разбитый Рог, Помяречь, Дубрава, *Вавёрки*?» [4, с. 6]. *Вавёрки* – по-русски «Белки».

Нами зафиксированы разовые употребления в русскоязычном тексте таких белорусских глаголов, как *поведаю*, *зажурились*, *нашкодил*, *постукать*, *загомонили*.

Данные толковых словарей свидетельствуют о том, что названные глаголы выступают в одинаковых лексических значениях в обоих языках.

Так глагол *поведаць* (бел. паведаць) – имеет значение «рассказать». *Зажурыцца* (бел. зажурыцца) – «загрустить, опечалиться»: «И что же это сосны *зажурились*?» [4, с. 132]. *Нашкодзіць* (бел. нашкодзіць) – «напортить, напакостить, устроить беспорядок»: «Месяц прожил здесь, падла, а *нашкодил* нам хуже пожара» [4, с. 148]. В обоих языках глагол *загомоніць* (бел. загаманіць) выступает в значении «начать беспорядочно кричать, шуметь»: «Мои люди *загомонили*» [4, с. 172].

Самым частотным белорусским глаголом (4 словоупотребления) в русскоязычном тексте оказался глагол *нема*, который, согласно словарю Ушакова, выступает в значении сказуемого «нет, не имеется»: «Я? Ну, дурных *нема*» [4, с. 117], «Креста на них *нема*» [4, с. 132], «А у нас матулек *нема*» [4, с. 170].

В тексте «Дикой охоты короля Стаха» нам встретились такие белорусские наречия, как *трошки*, *горше*. Слово *трошки* в русском языке имеет значение «немного, немножко», в белорусском языке *трошкі* – «нямнога, крышку, чуць». «Может, у пана есть хоть *трошки* хлеба?» [4, с. 99]. Наречие *горше* выступает в значении «хуже, тяжелее»: «Нам не везет, а ему и того *горше*» [4, с. 149].

Частица *дак* в значении «вот, ведь» в письменной речи не употребляется и заменяется равнозначным словом «так». Но в тексте она зафиксирована 2 раза: «Но терпеть – *дак* терпеть, а уж коли начали, *дак* до конца» [4, с. 170].

Частица *нехай* употребляется при выражении невозражения против чего-либо, согласия с кем-либо, чем-либо и соответствует по значению частице «пусть», которая служит для образования форм императива: «Го, *нехай* попробует! Оружие в руках. Вот оно. *Нехай* возьмут!» [4, с. 179]. В белорусском языке значение данной частицы такое же.

Близкое родство русского и белорусского языков приводит к тому, что наличие белорусизмов может вызываться также интерференцией, которая представляет собой их функционально не обусловленное употребление в художественной речи.

Например, несмотря на то, что в русском литературном языке такого притяжательного местоимения, как *ихний*, не существует, в разговорной речи слышать его приходится довольно часто. В русскоязычном тексте «Дикой охоты короля Стаха» это местоимение нами зафиксировано 2 раза: «Мы по миру *ихних* потомков пустим!» [4, с. 118], «И от *ихних* хат двже уголька не оставлю!» [4, с. 144]. Семантика данного местоимения одинакова в обоих языках. Так, в русском языке *ихний* (простореч.). Принадлежащий им, а в белорусском – *іхні*, -яя, -яе; займеннік прыналежны. Які належыць ім.

Заключение. Как отмечают исследователи, в переводных текстах «употребление национальной лексики неизбежно и необходимо» [1], поскольку переводчик стремится почувствовать особый мир оригинала, в котором содержится художественный образ иной культуры. Слова белорусского языка, встречающиеся в русском переводе романа Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха», имеют в основном соответствующие по форме и содержанию слова на русском языке и выполняют следующие

функции: 1) являются средствами создания особого идейно-художественного мира белорусов; 2) выступают средствами передачи самобытной ментальности, культурно-этнографических традиций; 3) выполняют роль средств передачи психологии нации, эмоционального состояния героя. Кроме этого, белорусизмы позволяют сохранить самобытность белорусского народа, передать при помощи русских языковых средств национальный белорусский колорит

ЛИТЕРАТУРА

1. Гируцкий, А.А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы / А.А. Гируцкий. – Минск : Университетское, 1990. – 175 с.
2. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М., 2009. – 1165 с.
3. Журавлева, Н.Н. Смысловая и стилистическая нагрузка белорусизмов в русскоязычном тексте / Н.Н. Журавлева, О.В. Потапова // Язык и социум : материалы IX Междунар. науч. конф., 3–4 декабря 2010 г. : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Л.Ф. Гербик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – Ч. 3. – С. 66–69.
4. Короткевич, В.С. Дикая охота короля Стаха: Исторические повести / В.С. Короткевич. – Л. : Лениздат, 1990. – 413 с.
5. Махонь, С.В. Белорусские языковые элементы в переводах одинаковых художественных текстов / С.В. Махонь // Вопросы лингвистики. – 1996. – № 1 – С. 73–78.
6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
7. Туксаитова, Р.О. Художественный билингвизм: к определению понятия / Р.О. Туксаитова // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 39. – С. 198–206.
8. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
9. Хухуни, Г.Т., Межкультурная адаптация художественного текста : монография / Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева. – М. : Прометей, 2003. – 172 с.
10. Язык, сознание, этнос, культура. – М. : Наука, 1994. – 343 с.

Поступила 30.05.2017

**BEORUSSKY IN THE RUSSIAN TRANSLATION OF THE NOVEL
BY VLADIMIR KARATKEVICH «THE WILD HUNT OF KING STACH»:
MORPHOLOGICAL AND SEMANTIC ASPECT**

T. SLESAREVA

In the translation of fiction from Belarusian into Russian language translator tries to convey using the language resources of the national Belarusian color, bright language to describe the concepts of the Belarusian culture. The article discusses the words of the Belarusian language, encountered in the Russian translation of the novel by Vladimir Karatkevich "The wild hunt of king Stach". The comparison of the semantics of these words in both languages is determined by their functional load.

Keywords: *belorusizm, the Russian-language text, semantic features, translation, matching.*